

*Орацио Симиан-Йофре*¹

Амос и Осия о монархии, священстве и богослужении

Критика Амосом царской власти отражает исторический момент, отличный от времени Осии, несмотря на то, что пророки были современниками и пророчествовали в одном и том же царстве. Амос хоть и атакует царя Иеровоама (Ам. 7:10-17), но в то же время другие его обвинения против царствующего дома представляют собой лишь не прямые намеки, которые нужно еще суметь разгадать. Информация, представленная в Библии, позволяет предположить, что Иеровоам II был сильной личностью, с ним нужно было избегать прямого столкновения. Очевидно, что проповедь Амоса приходилась на время, когда Иеровоам II был еще жив.

Осия более выразителен, более детален и настойчив в обличении слабости царского двора и незаконного вмешательства священников в сельскую жизнь. Неприкрытое презрение к царям, демонстрируемое Осией, понятно в случае, если последние были теми марионетками, которые появились после смерти Иеровоама, и о которых пишет Четвертая книга Царств. Через год или два после проповеди Амоса ситуация в Северном царстве сильно изменилась.

¹ Аргентинский библеист, профессор экзегетики и библейского богословия в Папском библейском институте (Рим).

Глава из книги: Simian-Yofre, H. *Amos: nuova versione, introduzione e commento* / H. Simian-Yofre. Milano, 2002.

Проповедь одного и другого пророка соответствует, таким образом, тому немногому, что нам известно об этом периоде, и тем хронологическим сообщениям, что содержатся в надписаниях книг Амоса и Осии.

Отличие наблюдается и в критике института священства. У Амоса эксплицитно критика *священников* выражена лишь в отрывке, где говорится об Амасии, вефильском священнике (Ам. 7:10-17).

Священство, видимо, находилось под покровительством политической власти и обладало экономическими привилегиями. Выразительные заявления против него оборачиваются настойчивым отвержением и осмеянием паломничеств к святилищам в Вефиле, Галгале (Ам. 4:4-5; 5:5-6) и также в Вирсавии (Ам. 5:5). Если некоторые слова (Ам. 4:4-5) могут заставить думать о том, что острие критики направлено лишь на нечистоту культовых форм, которые сами по себе еще не исключают некоей легитимности культа, некогда свободного от такой нечистоты, то противопоставление выражений «искать святилища» (со всеми смыслами глагола «искать») и «искать Господа» (Ам. 5:4-6) не оставляет сомнений в радикальности критики культового института.

У Амоса *святилища* представляют собой незаконную помесь власти и религии, что разлагает и ту и другую. Его обвинение против культового института, столь же радикальное, как обвинение Осии против религии, сконцентрировано на святилищах и выражено в «пятом видении» (Ам. 9:1-4), в котором Амос получает повеление поразить храмовые капители – для того, чтобы все здание потряслось и рухнуло.

Декларация Амасии, что Вефиль есть «святыня царя» (Ам. 7:13), открывает суть критики святилищ Амосом. На этот единственный намек можно было бы не обратить внимания, если б не было текстов Осии, которые многократно указывают на постоянное присутствие в жизни народа «храма» и его служителей.

Отсутствие во времена Осии сильного царя, возможно, оказалось благоприятным для различных групп священни-

ков и других функционеров, позволило им усилить свою власть. Такая ситуация не проглядывается в книге Амоса.

Пророчество Осии направлено против яхвистских *священников*, зараженных той или иной формой ваализма, возможно, культом плодородия (Ос. 4), и против вдохновителей такой молитвы, которая исполнена более претенциозностью, чем доверием (Ос. 6:1-3). Яхве в их представлениях очень похож на природные божества, ритмично чередующие периоды наказаний и прощений в соответствии с естественной регулярностью времен года. Эти божества тоже присутствуют в книге Осии, по крайней мере имплицитно (Ос. 7:3-7).

В восьмой главе книги пророка Осии критика властных группировок, в частности священнических, манипулирующих государством, становится очень выразительной. Золотой вефильский телец, конкретная репрезентация всего культа и всей религии Северного царства, неспособен никого спасти: «Оставил тебя телец твой, Самария!» (Ос. 8:5). Пусть хоть скольк множатся святилища – теперь уже не важно, посвященные Яхве или Ваалу – религия, превращенная в инструмент политической власти, не сможет ни сшить разорванный завет, ни вернуть расположение Господа (Ос. 8:1).

Телец для Осии – образ и символ всего культа (возможно, легитимного). Нелегитимным является, в любом случае, поиск решения на частном и общественном уровне с помощью учреждения, которое потеряло свою функциональность. Такой телец неспособен помочь народу. У Амоса этот образ отсутствует.

Если священство, храм и все, что они представляют, подпадают под критику Амоса и Осии, нужно ждать и критики *культы*, неприятного Богу, и потому бесполезного.

Осия осуждает умножение алтарей и жертвоприношений (Ос. 8:11), но не входит в культовые частности. Строки девятой главы книги пророка (Ос. 9:1-9) говорят не только о физической невозможности реализации культа в состоянии плена в чужой стране, но и радикально отвергают культ как таковой. Пророк требует прекратить использо-

вать культ для уклонения от заслуженного изгнания, этот культ не принесет пользы ни сам по себе, ни тем более в чужой земле. Текст не предлагает решения по выходу из этого положения (культ и прорицание как средства поддержки со стороны Господа деквалифицированы), кроме разве что принятия ситуации плена и наказания: «Да узнает Израиль». «Знать» здесь означает признавать, что «пришли дни посещения, пришли дни воздаяния» Господня (Ос. 9:7).

Амос в критике культа более подробен и конкретен, чем Осия. Помимо намеков на «храм» и святилища (в Ам. 3:14; 4:4-5; 5:5), а также, возможно, на культовые праздники, которые обратятся в траур (Ам. 8:10) и на нелегитимные клятвы (Ам. 8:14), пророк выразительно утверждает отвержение Господом конкретных форм культа (Ам. 5:21-25). Это отвержение тесно связано с провозглашением «Дня Господня» как дня наказания и еще более – с восстановлением того божественного порядка, который был нарушен. Осия, в свою очередь, не пользуется категорией «Дня Господня», но вводит понятие «дни посещения/расплаты/кары».

Критика основных институтов (царской власти, священства и культа) была вызвана их неспособностью решить общественные проблемы того времени. Осуждение религиозной ситуации в Израиле включает в себя обвинение в нарушениях норм социальной справедливости, соблюдение которых по самой своей природе должно быть обеспечиваемо представителями власти, в том числе, возможно, и священниками.

Первые обвинения в этой связи, которые выдвигает Амос, устанавливают отношения между социальными и религиозными аспектами жизни. Так, «сворачивание с пути» связано с «отвержением закона», но не исключает полностью и стремления к ложным религиозным ценностям, представленным идолами (Ам. 2:4). Нарушение закона о залогах (Ам. 2:8) является посягательством на законы о братстве, но также и превращает культовое место в «дом

бога¹ их», чем обозначаются божества, отличные от Яхве. В книге злодеи, обманывающие и эксплуатирующего ближнего (Ам. 8:4-5) – те же самые люди, которые соблюдают праздники новолуний и хранят субботу.

Другие обвинения относятся к некомпетентности и неадекватности власти, которая не может положить конец бесчинствам, таким как насилие и грабеж (Ам. 3:10), притеснение бедного (Ам. 4:1), вымогательство имущества у нуждающихся (Ам. 5:11-12), юридические беззакония в трибуналах (Ам. 5:7, 10, 15, 24) и накопление несправедливого богатства (Ам. 6:4-6; 8:4-6). Эти обвинения отстоят далеко от парадигматических обвинений в адрес Тира и Эдома, состоящих в том, что те «не помнят братского союза» и без сострадания «преследуют брата своего мечом» (Ам. 1:9, 11). На то, что обвинения относятся к властям, у Амоса намекается одной загадочной фразой, которую можно перевести так: «Чтобы не имел успеха дом Иосифа»² (Ам. 5:6), и одним упоминанием о военных столкновениях (Ам. 5:3). Это наказания за нечто большее, чем частные правонарушения обычного человека.

Если во времена Осии, при институциональном кризисе, обвинение в социальных беззакониях отходит на второй план до тех пор, пока общество не будет восстановлено как единое целое, то во времена Амоса, напротив, стабильность царства Иеровоама II благоприятствует социальным беззакониям и эксплуатации, которые и обозначаются пророком без промедления.

Перевод с итальянского: игумен Арсений (Соколов).

¹ В русск. Синод. пер.: *богов.* – Прим. пер.

² В русск. Синод. пер.: *чтобы Он не устремился на дом Иосифов.* – Прим. пер.